

«ДО СИХ ПОР ЕДИНСТВЕННОЙ ГАРАНТИЕЙ БЫЛА ОХРАНА КОННОЙ ЧАСТЬЮ»: КОНФЛИКТ ЦЕННОСТЕЙ СРЕДИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЖДЕЙ В ГУБЕРНИЯХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В ИЮЛЕ–СЕНТЯБРЕ 1917 ГОДА

М. Е. Разиньков

Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г. Ф. Морозова

Поступила в редакцию 28 августа 2025 г.

Аннотация: изучается драматический ценностный конфликт среди революционных лидеров Центрального Черноземья летом – в начале осени 1917 г. Конфликт показан на материалах Воронежской, Курской, Тамбовской и Орловской губерний, а также на уровнях от губернских и уездных центров до волостей. Рассмотрены ситуация конкуренции и смены поколений политических лидеров, активность в регионе социалистических вождей, появление ярких противников «углубления» революции, а также лидеров украинского национального движения. Сделан вывод о том, что региональная политическая элита, как и весной 1917 г., не смогла выдвинуть общепризнанных вождей, консолидирующих вокруг себя решающее общественное большинство, в то время как в казачьих регионах такие вожди стали появляться.

Ключевые слова: революция 1917 г., политический вождизм, Центральное Черноземье, ПСР, РСДРП, украинский вопрос.

Abstract: the article studies the dramatic value conflict among the revolutionary leaders of the Central Black Earth Region in the summer and early autumn of 1917. The conflict is shown using materials from the Voronezh, Kursk, Tambov and Oryol provinces, as well as at levels ranging from provincial and district centers to volosts. The article examines the situation of competition and change of generations of political leaders, the activity in the region of not only socialist leaders, but also the emergence of vocal opponents of the «deepening» of the revolution, as well as leaders of the Ukrainian national movement. It is concluded that the regional political elite, as in the spring of 1917, was unable to put forward generally recognized leaders who would consolidate the decisive public majority around themselves, while such leaders began to appear in the Cossack regions.

Key words: revolution of 1917, political leadership, Central Black Earth Region, Socialist Revolutionary Party, RSDLP, Ukrainian question.

Революционная элита достаточно чутко реагировала не только на внутрирегиональные события, но и на то, как развивалась политическая ситуация в стране. «Апрельские тезисы» В. И. Ленина, которые порой представляются как нечто из ряда вон выходящее, в действительности были созвучны нараставшей волне социалистической радикализации, только политические дивиденды в тот момент получали не большевики, а эсеры.

Региональные политики, сделавшие карьеру во власти и органах местного самоуправления до февраля 1917 г., в июне–июле по большей части сошли с политической сцены. Долше всех продержался тамбовский комиссар Ю. В. Давыдов, официально ушедший в отставку только в сентябре, но и он, судя по всему, уже летом отстранился от власти, и в губернии все большую роль играл его заместитель К. Н. Шатов. Новые губернские и уездные комиссары

были социалистами, причем в подавляющем большинстве неонародниками.

Однако принадлежность к социалистическим партиям вовсе не означала единомыслия. Партии были разные, каждая из них неоднородна по политическому содержанию, да и мировоззрение людей, двинувшихся в политику и объявивших себя социалистами, тоже было разным. Между тем текущая революционная повестка ставила перед ними сложные вопросы. Как реагировать на июльские события в Петрограде и регулярно происходившие в регионе солдатские бунты? Что делать с начавшимся аграрным движением? Сохранять ли социалистическое и внутрипартийное единство? Как реагировать на политику Временного правительства, его «заигрывание» с правыми и провальные военные операции? Каким образом преодолевать ситуацию корниловского выступления и обезопаситься от его последствий на Дону? На западных границах региона вставал и «украинский вопрос». То, насколько успешно решали все эти вопросы деятели регионального уровня, показала Октябрьская революция.

Цель исследования – на основании материалов губерний Центрального Черноземья выявить существенные черты политического лидерства вождистского типа в июле–сентябре 1917 г., обратив особое внимание на все более обнаруживающееся расхождение в ценностных ориентирах.

С июля 1917 г. события в губерниях стали приобретать драматический характер. Смена генераций революционных элит была весьма болезненной. В адрес губернских и уездных комиссаров шли письма, в которых искренне поддерживавшие революцию люди, возглавившие в марте местные административные и правоохранительные органы, изливали чувство обиды на тех, кто считал их «недореволюционерами». Например, подававший в отставку в первой половине июля помощник комиссара Малоархангельского уезда Орловской губернии Г. М. Оловенников писал: «ТОВАРИЩ КОМИССАР. Пламенное желание закрепить добытую кровью свободу заставило меня с первых же дней революции принять обязанности вашего помощника. Идя служить народу, я предвидел ту огромную ответственную работу, которую потом пришлось выполнять, и частью предугадывал тяжелую обстановку деятельности Комиссара на местах... В основание своей работы я ставил организацию граждан, твердо веря, что только при стройной организованности возможна созидательная работа и только прочной организованностью страна дойдет до Учредительного собрания, не переживая анархии, не разоряясь материально и духовно и не проливая вновь крови... И теперь после трех с половиной месяцев такой работы я должен открыто сказать, что рубеж, граничащий с анархией, перейден. Перейден потому, что деятельность местных комитетов до сего времени не имеет стройной организованности, а носит скорее случайный характер; перейден потому, что бессознательная часть населения поглощена классовой рознью, переходящей иногда в борьбу между самими же гражданами-крестьянами; потому что на местах происходит насильственное разрешение земельного вопроса, несмотря на заявления Временного правительства, о том, что земельный вопрос может быть разрешен только Учредительным собранием; перейден потому, что в некоторых селениях вытравливаются посевные травы, что равносильно расхищению народного богатства; потому что сменяются выборные власти, не успев войти в круг своих обязанностей, потому что некоторые местные Комитеты выносят иногда постановления, идущие вразрез с намерениями Временного правительства и в корне подрывающие главные основы гражданской свободы. Дни за днями в течение трех с половиной месяцев деятельность комиссаров была направлена не на созидательную работу по новому строительству государства, а на борьбу с разрушением тех основ спра-

ведливости, права и свободы, на которых должен вознестись новый строй... Необходимо немедленно бороться, но бороться может только твердая власть. Я же бороться дальше не могу. Как гражданин чувствуя себя ответственным перед народом, а еще больше перед теми мучениками свободы, которые своею кровью добыли ее всем, не могу оставаться на посту, не будучи в силах принести пользы; не могу как “буржуй”, дающий повод к провокационным выступлениям, губительным для свободы; как интеллигент, считаю для себя позорным участвовать в разрушении основ свободы» [1, л. 49–49 об.]. В отставку подал также его брат – начальник милиции, а вскоре ушел со своего поста и сам уездный комиссар Б. К. Краевич.

Нужно сказать, что у истории этой обиды есть и свои причины, и свои последствия. Орловское семейство Оловенниковых дало трех сестер-народоволок. Г. М. Оловенников был их племянником и мог считать себя продолжателем революционных традиций семьи. Что касается Б. К. Краевича, то до революции он был председателем Малоархангельской земской управы и деятелем Земгора. Обиды 1917 г. привели его в дальнейшем на пост главы Харьковского ОСВАГа.

Одновременно сильные личности из отживавшего свое дворянского сословия могли идти наперекор «революционному мейнстриму» в стремлении сохранить свою собственность (а вместе с ней честь и достоинство). Примеров такого сопротивления немного, но без этого нельзя до конца понять тех истоков, которые питали в будущем Белое движение. Так, в июле 1917 г. от уполномоченных с. Александровка Ново-Николаевской волости Усманского уезда Тамбовской губернии поступила жалоба в МВД на местного помещика Охотникова. Согласно этой жалобе, помещик, будучи членом уездной земской управы и продовольственного комитета, стал активно вырубать свой лес «несмотря на наши протесты и указания, что земли его должны в недалеком будущем принадлежать нам, александровцам, и что он должен прекратить самовольно распоряжаться имением, а должен все это передать в Волостной Земельный комитет, как это сделали другие помещики кн. Вяземский, Снежков и проч.». Вместо того, чтобы ждать своей судьбы, помещик привлек к охране имения солдат 212-го пехотного запасного полка и начал как ни в чем не бывало сдавать свою землю в аренду по самым высоким ценам. «На наши протесты, – жаловались обиженные александровцы, – Охотников отвечает бранью и угрозами, обещает возвратом старого государственного строя, грозит расправой и узнает и записывает наши фамилии, якобы для преследования в будущем. Словом, поведение Охотникова до глубины души возмущает нас, людей земли, доживших до желанного часа. На просьбу нашу в Усманский

продовольственный комитет о разборе наших отношений с Охотниковым Комитет ответил нам бессловесным отказом. На основании вышеизложенного мы просим помочь нам заставить Охотникова признать стремления наши законными, подчиниться Земельным комитетам...» [2, л. 25].

Нужно подчеркнуть, что такие деятели искали своих политических вождей, порой находя их в не самых влиятельных организациях региона – Союзах земельных собственников. Для Тамбовской губернии главой Союза был Е. А. Загряжский. В конце июля 1917 г. он вошел в качестве представителя Союза в Тамбовский земельный комитет, а в сентябре стал требовать немедленного наведения порядка в губернии, поскольку в огне крестьянского мятежа гибли не только «ценные имения, культурные богатства, накопленные десятилетиями, гибнет самое драгоценное – сознание права уважения к чужой жизни и собственности» [3, с. 184]. Дальнейшая судьба Е. А. Загряжского примечательна. Он стал одним из руководителей тамбовского антибольшевистского восстания в июне 1918 г. и после его подавления расстрелян.

Несмотря на то, что политическую погоду в июле–сентября 1917 г. делали не члены Союза земельных собственников и не «оловонниковы», все же их голос находил поддержку среди действующих политиков, даже если они относились к «профессиональным революционерам», отсидевшим за политическое прошлое в тюрьме.

В конце апреля 1917 г. (по другим данным – с 25 мая) [4, с. 421] комиссаром Липецкого уезда Тамбовской губернии стал эсер В. И. Ларин. Участник первой российской революции, прошедший около десяти лет в тюрьме Шлиссельбургской крепости, освобожденный революцией 28 февраля 1917 г., он вернулся в родной уезд и сменил прежнего комиссара. Через месяц после назначения, 3 июня, В. И. Ларин стал еще и вторым, «почетным», председателем Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В июле 1917 г., во время бунта солдат 191-го пехотного запасного полка, В. И. Ларин, вместо того, чтобы создать демократический орган, состоящий «из всех живых сил» Липецка, для урегулирования недоразумения предложил вызвать драгун, организовать вооруженную охрану города, а также «держат воду и пожарных наготове для разгона толпы струей воды» [5, л. 12].

Захваты крестьянами частновладельческих земель в июле–августе 1917 г. оценивались В. И. Лариным как преступные действия. На совместном заседании Липецких земельной и продовольственной управ он призвал пресечь захваты в зародыше, применяя, в случае неповиновения, военную силу [3, с. 112–113]. Он осудил «Распоряжение № 3» губерн-

ского земельного комитета, который, совместно с другими управляющими и общественными органами, уполномочивал местные земельные и продовольственные комитеты решить конфликты с крестьянами через постановку частновладельческого имущества на учет и делавший ставку на убеждение. В. И. Ларин заявлял (середина сентября 1917 г.): «На события последних дней, вылившиеся в погромы и грабежи имений, нельзя смотреть как на организованное аграрное движение, это скорее разбой и грабеж бессознательных гуннов, а поэтому мистификация приказа – малонадежный паллиатив, теперь дело не в приказе, а в развитии масс, твердой власти и уважении к закону» [там же, с. 202].

Призывы организовать твердую власть, привлечь к расследованию погромов прокуратуру, применять вооруженные отряды следовали от В. И. Ларина и в октябре, и в ноябре, и в декабре 1917 г.: «Всякие попытки уговаривания и создания местных органов благодаря пребыванию массы солдат с нелепыми большевистскими теориями “все наше и принадлежит нам” дают отрицательные результаты. Часть имений после принятия на учет подверглись разграблению. Попытки в создании охраны из представителей окружающего населения и полка делаются; до сих пор единственной гарантией была охрана конной частью» (губернскому комиссару, 13 декабря 1917 г.) [5, л. 197].

Характерно, что уже в ноябре 1917 г. В. И. Ларин стал просить об отставке [6, с. 136]. Она не была принята. Тамбовский губернский комиссар явно хотел использовать проверенного и харизматичного лидера в борьбе против большевиков. В частности, 28 ноября 1917 г. он отдавал Ларину такое распоряжение: «По поводу прибывшей в уезд группы большевиков, командированных народными комиссарами для реквизиции хлеба и продуктов, сообщаю, что не следует признавать их полномочий» [7, с. 39].

Учитывая сложившуюся ситуацию (а Ларин продолжал оставаться и председателем местного Совета), уездный комиссар пытался маневрировать. 25 ноября 1917 г. Липецкий Совет проголосовал за признание власти Совета народных комиссаров, но призвал сформировать его из коалиции социалистических партий [8, с. 145]. В. И. Ларин выдвигался в качестве депутата в Учредительное собрание, а в декабре 1917 г. был избран председателем уездной земской управы [4, с. 421]. В какой-то момент он, видимо, совмещал должности председателя Совета, уездного комиссара и главы земства.

В то же время В. И. Ларин был политиком и опереться на какие-то крупные военные силы не мог. 20 декабря местные социал-демократы провозгласили установление в Липецке советской власти и заявили об отставке Ларина с поста уездного комиссара.

31 декабря в Липецке произошли волнения, инициированные купцами-кожевниками, чьи товары стали конфисковывать. Во главе, между прочим, стоял однофамилец Василия Ивановича – купец Ларин, что вызывает в историографии определенную путаницу и связь волнений с именем В. И. Ларина [9, с. 59–60]. Толпа избивала красногвардейцев, милиционеров, забрала в тюрьму нового председателя исполкома Совета социал-демократа В. Н. Агте и ряд других членов Совета. Волнения закончились в этот же день, но, судя по всему, стали предлогом для окончательной ликвидации прежней власти, хотя, возможно, все произошло несколько раньше. Земская управа была распущена. Зампредседателя липецкого Совета (конец 1917–1918 гг.) Ф. П. Дмитриев вспоминал, что «комиссар Временного правительства ЛАРИН пытался противиться, нами был арестован и после соответствующего внушения отпущен и сошел с горизонта» [10, л. 1 об.]. Дальнейшая судьба В. И. Ларина неизвестна.

История эта отражает важную тенденцию в политической ситуации лета–осени 1917 г.: очевидный раскол в среде лидеров авторитарного типа по ценностному признаку, когда для одних существующий «февральский» порядок вещей воспринимался как конечная данность, а для других – как первый шаг на пути к решительному переустройству мира. Ценности «порядка», социального и политического «мира» вступали в противоречия с ценностями социальной справедливости, нетерпеливым желанием перезагрузить власть наилучшим образом.

К лидерам, стремившимся к более радикальным изменениям, следует отнести одного из руководителей Белгородского уезда Курской губернии Л. А. Меранвиля де Сент-Клера. Член РСДРП с 1904 г. В годы первой российской революции и в 1908–1914 гг. вел революционную работу в Белгороде. В марте 1917 г. был избран председателем Совета рабочих и солдатских депутатов. За 1917–1918 гг. Л. А. Меранвиль де Сент-Клер прошел эволюцию от меньшевика и меньшевика-интернационалиста до члена РКП(б).

Белгород 1917 г. был одним из важных центров политического радикализма Курской губернии. Здесь выпускались единственные в губернии «Известия Совета рабочих и солдатских депутатов». В сентябре большевики и меньшевики-интернационалисты победили на выборах в городскую думу, заняв 68 % мест [11, с. 21]. При этом между самими радикалами наблюдалась острая конкуренция – эсеровский Совет крестьянских депутатов и Совет рабочих и солдатских депутатов, которым руководил Л. А. Меранвиль де Сент-Клер, находились к осени 1917 г. во враждебных отношениях. Выступавший в поддержку политики Временного правительства (т. е. отстаивавший те же позиции, что и В. И. Ларин в Тамбовской губернии

или В. П. Кобытченко в Воронежской), Совет крестьянских депутатов был «уличен» его противниками в «черносотенстве» [12, с. 420].

Возглавляемый Меранвилем Совет рабочих и солдатских депутатов с симпатией относился к нарастающему крестьянскому движению, и для Меранвиля точкой призыва к насилию стало, судя по всему, корниловское выступление. Революционный штаб, возглавляемый им, выпустил воззвание, в котором заявлялось, что он, штаб, будет «стоять на страже революции» и не остановится «ни перед какими мерами для самого энергичного подавления хотя бы малейших признаков проявления контрреволюции» [13, с. 66].

Л. А. Меранвиль де Сент-Клер поддержал октябрьскую революцию. Статья в «Известиях Совета», подписанная им, содержала, в частности, такие слова: «Рухнуло правительство народного позора и обмана. Осиновый кол на его могилу поставит благородный революционный народ» [там же, с. 99].

В дальнейшем Меранвиль сумел одержать победу в конкурентной борьбе за власть в уезде. Дело в том, что большевистскую организацию в Белгороде возглавил поляк И. Г. Озембловский, также высказывавший весьма радикальные суждения. Он не являлся прямым противником Л. А. Меранвиля, напротив, больше был похож на союзника. Однако нужно понимать, что Меранвиль, хотя и возглавлял Совет, в 1917 г. оставался меньшевиком-интернационалистом, а о влиянии большевиков говорит их победа на уже упомянутых сентябрьских выборах во вторую городскую Думу: выступавшие в блоке с ними интернационалисты получили всего пять мест против двадцати двух у большевиков. Озембловский стал председателем думы. Однако дальнейшие события, связанные с оккупацией Белгорода весной 1918 г. немцами, развели этих двух лидеров. И. Г. Озембловский уехал в Курск, стал там первым председателем губЧК, однако не справился с должностью и в том же месяце был снят с поста. В 1919 г. он был повешен деникинцами. Меранвиль же продолжил борьбу на месте и отметил тем, что в конце 1918 г. стал требовать выделения Белгорода в отдельный губернский центр. За такой «сепаратизм» он был арестован по указанию губисполкома. Весной 1919 г. ему были предъявлены обвинения в организации масштабных расстрелов в Белгороде, но он довольно доказательно опроверг обвинения [14, с. 128–132]. В дальнейшем Меранвиль был переправлен на работу в Саратов. Занимал в начале 1920-х гг. руководящие посты в центральных государственных органах, но карьеру сделать не смог. В 1938 г. был расстрелян [15, л. 11].

«Вожизм» Л. А. Меранвиля де Сент-Клера базировался не на авантюрной «воле к власти», а на авторитете старого революционного работника. В его

речах не так много ярко выраженного волонтаризма. В частности, оправдываясь перед партийным судом в 1919 г., он применял риторику партийных заслуг, и лишь в конце апеллирует к непогрешимости «лично-го видения» ситуации: «Мне больно и стыдно писать это. Я состою членом партии с 1904 г., работая непрерывно нелегально и легально. Принеся всю жизнь в жертву идее нашей партии, сроднившись с революцией с ранней юности, я никогда не представлял себе возможности быть перед ее судом по обвинению в том, что не потакал нашим врагам. Я давно уже не “интеллигент”, та среда от меня в ужасе отшатнулась. В течение всей революции я работаю исключительно как избранник народных низов и только в качестве их депутата. Меня выбирали ж.д. рабочие Белгорода несменяемым председателем Совдепа, большинство членов которого было от них (кстати, видимо, этим объясняется столь упорное нежелание Меранвиля расстаться с “меньшевистским прошлым”. – М. Р.). Ибо с 1904 г. я воспитал не одно революционное поколение в их среде. Я знаю, что пишу, всегда сумею доказать каждое свое суждение» [14, с. 31–32].

Нужно сказать, что раскол, обозначившийся по линии ценностных симпатий политических лидеров, «спускался» в российское общество довольно глубоко, фиксируется вплоть до уровня крупных сельских населенных пунктов и мог сохраняться там дольше, чем в губернских центрах. Так, в Колыбелскую волость Острогожского уезда Воронежской губернии в начале 1917 г. прибыли участники первой российской революции, отбывавшие за это наказание эсеры П. Г. Финочкин и М. Д. Козинцев. Они тут же приняли участие в политической жизни не только села, но и всего уезда. М. Д. Козинцев возглавил волостное земство и волисполком, а П. Г. Финочкин, являвшийся, судя по всему, более «крупной птицей», занял пост председателя уездного земства. В дальнейшем М. Д. Козинцев уступил место вожака приехавшему революционному матросу И. Ф. Шкарупе и перешел на позиции левых эсеров, а потом и большевиков. В противоположность ему П. Г. Финочкин, подобно В. И. Ларину, яростно защищал политику Временного правительства. Один из свидетелей событий вспоминал: «При мне был вызван П. Г. Финочкин... Помню его приезд. Он явился в Народный дом, его ждали как вожака. Но при первом же выступлении... он назвал мужиков свиньями» (имея в виду попытки крестьян немедленно переделить землю) [16, с. 106]. Ему, однако, удалось в начале 1918 г. остаться председателем волостного Совета, заставив радикала И. Ф. Шкарупу пойти на компромисс. На этом посту он также сопротивлялся немедленным земельным переделам и в 1918 г. был окончательно исключен из общественно-политической деятельности. Характерна судьба этих трех деятелей – М. И. Козинцев дожил

по меньшей мере до конца 1960-х гг. и был персональным пенсионером республиканского значения; «колыбелский Щорс» И. Ф. Шкарупа погиб в тюрьме в 1938 г.; П. Г. Финочкин прожил по меньшей мере до конца 1930-х гг. в той же деревне и, между прочим, давал в 1937 г. показания на И. Ф. Шкарупу.

Обозначенный ценностный конфликт постепенно перерастал и в ценностно-идеологический. Противоречия разных течений РСДРП и ПСР, которые вели к созданию новых партий (РСДРП(б), ПЛСР), были уже четко видны в этот период, но, впрочем, несмотря на громкие заявления, организационный раскол стал происходить непосредственно перед октябрьским переворотом и «затянулся» в некоторых уездах вплоть до лета 1918 г.

Обладая постзнанием, мы можем констатировать, что имевшиеся серьезные разногласия касались не только оттенков социалистических идеологий, применения насилия против начавшегося крестьянского движения, но и национального вопроса. В этом плане примечательна фигура еще одного вождя – А. П. Животко, который, действуя на территории Воронежской губернии как член Украинской ПСР, весной–летом 1917 г. развернул бурную деятельность по вхождению западных уездов Черноземья в состав Украины. Эта деятельность привела к тому, что весной–летом 1918 г. ряд уездов Курской и Воронежской губерний были оккупированы немецкими и украинскими войсками [17]. В дальнейшем А. П. Животко являлся крупным деятелем украинского националистического движения в эмиграции. Насколько такой вождизм был важен для политической жизни 1917 г., говорят несколько на первый взгляд взаимоисключающих, но в реальности взаимодополняющих фактов. В политической риторике административных и общественных органов губерний Черноземья 1917 г. украинский вопрос занимал самое незначительное место, хотя деятельность различных украинских организаций в прессе фиксировалась. Однако осенью 1917 г. воронежские левые эсеры пошли в Учредительное собрание по общему списку с украинскими эсерами, а один из лидеров воронежской организации ПСР – К. С. Буревоу – в 1920-е гг., как и А. П. Животко, очень активно занимался проблемами, связанными с украинским национальным вопросом и культурнической деятельностью в этом направлении. Правда, А. П. Животко делал это на безопасном расстоянии – в Чехословакии и Германии, а вот тяжелобольной К. С. Буревоу в 1934 г. был казнен как член «террористической организации».

Очевидно и другое. Несмотря на присутствие в губерниях ярких политических лидеров, никому из них не удавалось быть однозначным «вождем», чья воля объединяла бы надолго все общественно-политические силы города, уезда или губернии. Даже

корниловский мятеж не привел к каким-то серьезным шагам в этом направлении, хотя, несомненно, сыграл свою роль в реабилитации большевиков после июльских событий, усилении раскольнических настроений в региональных комитетах ПСР и в том, что некоторые социалистические лидеры стали склоняться к силовому решению вопроса о власти.

Показательна политическая судьба председателя воронежского комитета ПСР М. Л. Когана-Бернштейна. Проживавший в Воронеже с 1914 г. и хорошо знавший местную революционную контркультуру, член ЦК ПСР, он к маю–июню 1917 г. стал ключевой фигурой местной организации эсеров. Делегат I Всероссийского съезда Советов, член ВЦИК, Коган-Бернштейн в июле–августе председательствовал на губернских крестьянском и партийном съездах, был избран председателем Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Собственно, его фигура и давала возможность Совету существовать в таком расширенном виде. Во время корниловского мятежа Коган-Бернштейн возглавил чрезвычайный орган – Революционный распорядительный комитет, а после этого был избран делегатом Демократического совещания.

Однако М. Л. Когану-Бернштейну не удалось предотвратить раскол в местной организации ПСР, проходивший с большим скандалом. В начале октября он ушел с поста председателя Совета и, оставаясь в Воронеже, не смог воспрепятствовать октябрьскому перевороту в городе, в том числе отказавшись сотрудничать с военными. В советской историографии сложилась версия о том, что М. Л. Коган-Бернштейн во время корниловского выступления не проявлял лидерских качеств и «истинным» председателем был другой член распорядительного комитета – будущий организатор октябрьского переворота большевик А. С. Моисеев [18; 19, с. 126]. Так это или нет, но в конце октября 1917 г. А. С. Моисеев смог «переиграть» эсеров. В 1918 г. Коган-Бернштейн продолжал оставаться крупным политическим деятелем (член ЦК ПСР, делегат Учредительного собрания, член ВЦИК), но его карьера в большевистской России закончилась уже в июне этого года. Не сложилась она и в антибольшевистских органах власти на востоке страны, куда он поспешил уехать. В октябре 1918 г. М. Л. Коган-Бернштейн был расстрелян красными под Сызранью Самарской губернии.

Наметившийся в среде политических лидеров революции ценностный раскол, являющийся существенной характеристикой изучаемого этапа, сопровождался одновременно тенденциями, отличающими предыдущий этап (март–июнь 1917 г.). Во-первых, несмотря на то, что ряд деятелей все активнее призывали к насилию по отношению к агарному движению, все же во взаимоотношениях с политическими

противниками соблюдалось табу на применение насилия вплоть до конца октября–ноября 1917 г. Во-вторых, конкуренция политических лидеров, претендовавших на роль вождей, не приводила к появлению таковых, иначе говоря, борьба за вождизм, обозначившаяся в марте–июне 1917 г., продолжилась. Как и на предыдущем этапе, это было связано с неоднородностью политических сил, их конкуренцией, отъездом ярких лидеров из губерний в столицы. В этом отношении важно указать на появление лидеров-вождей у казаков. На Дону, в непосредственной близости от границ Черноземья, вождем, несомненно, становился атаман А. М. Каледин. На общеказачьем съезде в июне председателем Совета казачьих войск стал другой яркий руководитель – А. И. Дутов, с сентября 1917 г. избранный атаманом Оренбургского казачьего войска. В обоих случаях это были руководители военизированных социальных корпораций, что делало их грозной силой. Политические лидеры Черноземья опереться на военную силу могли только в том случае, если ее присылали извне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Орловской области. – Ф. Р-81. – Оп. 1. – Д. 19.
2. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области. – Ф. П-382. – Оп. 1. – Д. 61.
3. Крестьянское движение в Тамбовской губернии. 1917–1918 : документы и материалы / под ред. В. Данилова и Т. Шанина. – М. : РОССПЭН, 2003. – 480 с.
4. Жизнь тамбовской провинции в эпоху революции (февраль 1917 г. – февраль 1918 г.) : сб. документов и материалов / сост. М. В. Коршунова [и др.]. – Тамбов : Мичуринск, 2018. – 520 с.
5. Государственный архив Тамбовской области. – Ф. 1058. – Оп. 1. – Д. 22.
6. Иванов А. А. Уездная революция / А. А. Иванов // Родина. – 2009. – № 12. – С. 133–136.
7. Хроника революционных событий Тамбовской губернии. 1917–1918 / сост. П. Крошицкий и С. Соколов. – Тамбов : Пролетарский светоч, 1927. – 72 с.
8. Огненные годы (сборник статей и воспоминаний о революционных событиях на территории Липецкой области в 1917–1920 гг.) / отв. ред. А. А. Сталь. – Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1967. – 158 с.
9. Морозов В. Ф. Борьба большевиков за установление советской власти в уездных центрах Тамбовской губернии / В. Ф. Морозов // Под знаменем Октября (из истории установления советской власти и социалистического строительства на Тамбовщине). – Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1966. – Вып. 1. – С. 48–64.
10. Государственный архив новейшей истории Липецкой области. – Ф. 155. – Оп. 2. – Д. 10.
11. За власть Советов. Статьи, очерки, воспоминания, посвященные 40-летию Советской власти в Белгород-

ской области / под ред. Н. М. Быстрова. – Курск : Кн. изд-во, 1957. – 234 с.

12. Разиньков М. Е. Социально-политический диалог в России (1917–1918 гг.) : тенденции, механизм, региональные особенности / М. Е. Разиньков, О. М. Морозова. – М. : Квадрига, 2021. – 712 с.

13. Борьба за Советскую власть на белгородщине. Март 1917 г. – март 1919 г. : сб. документов и материалов / под ред. Н. М. Быстрова. – Белгород : Областная типография им. В. И. Ленина, 1967. – 379 с.

14. Белгород. 1918–1919. Красный террор : документы, материалы, свидетельства очевидцев / авт.-сост. П. Ю. Субботин. – Ижевск : ПРИНТ, 2014. – 168 с.

15. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 70. – Оп. 4. – Д. 368.

16. Разиньков М. Е. Колыбелька и окрестности : к вопросу о зарождении и развитии красного повстанчества в Воронежской губернии / М. Е. Разиньков // На ветрах

гражданской войны. Воронежская деревня в 1917–1922 гг. : сб. статей и документальных материалов / под ред. А. В. Посадского. – М. : АИРО-XXI, 2019. – С. 104–126.

17. Шульгина А. Н. Споры о принадлежности части территорий Воронежской губернии к России или Украине в 1917–1918 гг. / А. Н. Шульгина // Новое прошлое. – 2022. – № 3. – С. 106–126.

18. Габелко Е. И. Из истории красной гвардии Воронежской губернии : первые отряды красной гвардии / Е. И. Габелко, В. М. Фефелов // Записки воронежских краеведов / сост. А. И. Гайворонский. – Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. – Вып. 3. – С. 5–22.

19. Бердников Г. В. Воронежские большевики в трех революциях (1905–1917) / Г. В. Бердников, А. В. Курсанова, А. С. Поливанов, А. И. Стрыгина. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 172 с.

Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г. Ф. Морозова

Разиньков М. Е., кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук

E-mail: razinkov_mihail@mail.ru

Voronezh State Forestry Engineering University named after G. F. Morozov

Razinkov M. E., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences

E-mail: razinkov_mihail@mail.ru